

Самая невероятная история

- Внимание! Пожалуйста, возьмите ручки и запишите тему домашнего сочинения. Кто там тяжело вздыхает? Успокойтесь, пожалуйста! Мы с вами давно ничего не сочиняли. Кстати, кто мне назовёт синонимы к слову «сочинять»?

Класс оживился:

- Выдумывать! Фантазировать! Заливать! Вешать лапшу на уши!

- Прекрасно! Между прочим, вы не забыли, какой завтра день? Правильно, суббота. А кроме того...первое апреля! Самый подходящий день, чтобы выдумывать, заливать, и это, как вы сказали, вешать лапшу... Кстати, и тема сочинения соответствующая: «Моя невероятная встреча». Записали? Жду ваши шедевры в понедельник.

Последние слова Людмилы Аркадьевны совпали со звонком на перемену.

... Во вторник учительница вошла в класс с большой стопкой тетрадей.

- Ну что ж, должна вам признаться, что вы меня приятно удивили. Если, конечно, не считать некоторые грамматические ошибки, типа «энопланетяне». Но главное, меня поразила ваша фантазия. Прямо братья Стругацкие!

Вот, например, сочинение Антона Петухова:

«Однажды я опаздывал в школу и перебежал дорогу в неполюженном месте. Раздался свисток полицейского. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что это был директор нашей школы, только в форме полицейского. Я ему сказал: «Извините, Юрий Иванович, я больше не буду!» А он мне ответил: «Это хорошо, что ты больше не будешь нарушать правила уличного движения, только я не Юрий Иванович, а Пётр Иванович – родной брат-близнец директора вашей школы...»

Петухову я поставила десятку. Действительно, невероятная история, если учесть, что у нашего директора никаких братьев нет.

Лиля Корзинкина описывает свою неожиданную встречу в трамвае с известным певцом Филиппом Киркоровым. Он уступил ей место, а потом подарил свою фотографию с автографом: «Милой Лиле от Киркорова Фили».

В общем, одно сочинение невероятнее другого. Но самую высокую оценку я всё же решила поставить Вите Брюквину. Вот что он пишет: «Однажды я поехал за город на лыжную прогулку. Светило яркое солнце. Вдруг на снегу я увидел огромные следы босого человека. Когда я пошёл по следам, то неожиданно встретил снежного человека, обросшего шерстью. Я с ним поздоровался и пошёл дальше...»

Я считаю эту историю самой невероятной. Как вы думаете, почему?

Аня Карнаухова подняла руку:

- Потому что Брюквин никогда ни с кем не здоровается!

- Вот именно! – сказала Людмила Аркадьевна.

Славное озеро Байкал

Озеро Байкал – самая главная достопримечательность Сибири. Знаешь, как говорят сибиряки? «Кто Байкала не видал, тот в Сибири не бывал!»

Байкал – очень древнее озеро. Как оно образовалось? До сих пор учёные спорят об этом и пока не доспорили. Возраст его определяют примерно в 25 – 30 миллионов лет.

Это озеро уникальное, неповторимое, нет похожих на него на всей планете. Буряты – народ, который живёт на его берегах, - величают его Байкал – море. А знаешь почему? Это самое глубокое озеро на Земле. В отдельных местах его глубина более полутора километров.

Байкал – хранилище пресной воды. В нём хранится пятая часть всей пресной воды, что есть на Земле.

Вода в Байкале чистая, прозрачная, холодная. Даже летом немногие смельчаки рискуют в неё окунуться. А вам хотелось бы искупаться в воде, температура которой 5-7 градусов выше нуля?

Озеро населено уникальными обитателями: больше половины из них встречаются только здесь. Они называются эндемиками. Слово «эндемик» - греческое и означает «туземец»; это же слово на латыни звучит как «абориген», а по-русски – «местный». Речь идёт о животных или растениях, которые в других местах на Земле не встречаются.

В Байкале, например, водятся рыбки, похожие на полупрозрачную карамельку. Это голомянки. У них вовсе нет чешуи. А детёныши у них рождаются – сразу маленькие рыбки! Живёт в озере даже тюлень – байкальская нерпа. Она прекрасно чувствует себя в озере, хотя тюлени – морские животные.

Байкал – огромное озеро. Осенью на озере ураганные бури нередко поднимают волны высотой с двухэтажный дом. Они с грохотом разбиваются о прибрежные утёсы. Зато когда Байкал спокоен, сквозь его прозрачную воду можно заглянуть на десятки метров в озёрные глубины, рассмотреть его обитателей. А зимой, если озеро замёрзнет в тихую погоду, огромные пространства льда так и останутся прозрачными. На малых глубинах сквозь лёд легко можно рассмотреть дно, а ходить по такому льду страшно: если нет трещин, на глаз никак не определить его толщину. И кажется, что лежит под ногами холодная тёмно –зелёная бездна воды.

Много красивых мест на громадном озере, на его берегах и островах. Красивы и горы, окаймляющие Байкал. Но, возможно, самое прекрасное из того, что создала здесь природа, - место, где вытекает из Байкала река Ангара. 336 рек, больших и малых, впадает в него, а вытекает одна Ангара. О реке Ангаре и озере Байкал сложили буряты красивую легенду.

Немало дочерей и сыновей у старика Байкала. Это сибирские реки, несущие к нему свои воды: Баргузин, Селенга... Но больше всего любил он дочь Ангару. Услышала Ангара, что живёт за горами молодой богатырь Енисей, полюбила и устремилась к нему. Рассердился Байкал на непослушную дочь, в ярости бросил ей вслед огромный камень, но не смог остановить. Скала – огромный Шаманский камень – навсегда осталась в воде, а Ангара пенясь, с грохотом обогнула её со всех сторон и умчалась, своевольная, к Енисею. Так и текут их воды вместе.

Байкал – голубое сердце Сибири, уникальной красоты озеро, полное загадок и тайн.

Щедрый подарок

Я всегда жду осень. Заблестят в воздухе тонкие паутинки, посыплются на землю листья, по утрам туман окутает лес, - пора отправляться на «тихую охоту», за грибами.

Стелет осень разноцветный ковёр из листьев, прячет под этим пёстрым ковром грибы. Бывает, сразу и не отличить осиновый опавший листок от сыроежки. А у боровика лишь краешек коричневой шляпки проглядывает, и весь он в жёлтых берёзовых листьях, лишь зоркий глаз грибника его отыщет. И всё равно осень всем – даже неопытным грибникам – щедро преподносит свои дары. И боровики, и подберёзовики, и рыжики, и волнушки, и грузди, и маслята, - да всех и не перечислить. Но есть у осени и самый главный подарок – опята. Дружными семейками поселяются опята на старых пнях, в траве, а иногда и высоко на деревья забираются. Сидят у дерева лишь два-три гриба, но поднимешь голову вверх, а там весь ствол в опятах. Особенно много опят на старых вырубках – настоящее грибное царство. Иногда за четверть часа полное лукошко наберёшь...

Осень щедра на грибы, но до её наступления ещё целый месяц. Июль только заканчивается, пошла рожь в колос. Но именно сейчас в небольших перелесках появляются первые грибы. Можно попытаться грибного счастья. Надел я на руку корзинку из тонких прутьев и отправился в ближайший лесок.

Счастье мне улыбнулось. В мелком березняке нашёл шесть подберёзовиков с маленькими шляпками на толстых ножках. А на опушке сосняка высыпала вдруг мне навстречу весёлая семейка маслят, все такие чистюли – в белых фартучках, влажные шапочки так и блестят на солнце, словно их кто-то только что помыл и забыл вытереть.

Собрал я их. Ну что же, на суп, думаю, хватит. Жаль только, белый гриб не попался. А без белого, как известно, вкус и аромат у грибного супа не тот...

Вдруг сзади что-то стукнулось о землю. Оборачиваюсь. Что такое?! В полутора метрах от меня на прошлогодней хвое шляпка белого гриба лежит. Поднял её: крепкая, чистая. С неба, что ли, свалилась? Глянул вверх, на рыжем сосновом суку белка сидит, в передних лапках корень белого гриба держит. Прыгала, значит, с грибом по веткам, задела ненароком за сук, шляпка и отвалилась. Кладу её в корзину, а сам думаю: хоть и хороша шляпка, да маловата, вот если бы к ней ножку добавить... Только как добавить-то, когда она у белки в лапках.

Тут вспомнил одно место из книги, где описано, как проводник ударом палки по стволу заставил белку уронить на земле кедровую шишку. Вижу, недалеко кривая ветка валяется. Поднял её. Подхожу к сосне, размахнулся. И не ударил...

А вдруг, думаю, белочка и не уронила вовсе эту шляпку-то? Может, она нарочно подбросила её мне. Услыхала мои жалобы на то, что без белого гриба и суп не суп, и поделилась со мной. Дескать, бери, грибник, шляпку для своего супа, пусть он будет у тебя вкусный и ароматный, а мне и ножки хватит... И что же получается: она со мной поделилась, а я у неё всё хочу отнять?

Глянул снова вверх – сидит по-прежнему белочка на суку с ножкой гриба в лапках. Совестно мне стало перед ней, прислонил кривую ветку к сосне и ушёл.

Дома за грибы меня похвалили. А шляпка белого гриба привела всех в восторг.

- Где ж ты такой нашёл? – спрашивают.

- Белочкин подарок, - отвечаю.

Самые холодные и самые жаркие места на Земле

Если градусник зимой у нас в Литве показывает минус 25, школьники почти рады – ведь можно не идти в школу – очень холодно. А если похожую температуру увидит на градуснике школьник из Якутска, то, вероятнее всего, подумает: «Сегодня уже совсем не холодно, можно во дворе поиграть подольше».

Давайте и заглянем в Якутск. Один из самых холодных городов планеты возник в 1632 году как казачий форт, а когда здесь было найдено золото и другие полезные ископаемые, получил статус города. Якутск находится в зоне вечной мерзлоты, и поэтому здания в городе построены на сваях. В этом суровом уголке (зимой - 40 градусов, а летом + 30) живут около 20 тысяч жителей, действуют заводы, музеи, театры, есть цирк и зоопарк. Очень холодная зима диктует свои условия жизни: приехав в магазин за покупками, жители не выключают мотор автомобиля, чтобы не замёрзло горючее, а моторы больших грузовиков работают целыми неделями.

Если этот край не показался вам достаточно суровым, можно отправиться в Верхоянск, который находится в 900 километрах от Якутска. В городе, основанном в 1817 году, живут около 1400 человек. Зима здесь начинается в октябре и продолжается до апреля. Морозы часто достигают - 50 градусов. 15 января 1885 года здесь была зафиксирована температура - 71 градус. Местные жители занимаются охотой, носят шапки, шубы, тулупы из натурального меха. Об искусственном мехе или других материалах не может быть и речи – жизнь и здоровье дороже.

А если ещё больше приблизиться к Полярному кругу, то можно оказаться в посёлке Оймякон. 500 – 800 северян зовут его своим домом. У въезда в Оймякон есть надпись «Полюс холода» и не зря. Здесь в 2006 году зафиксирована температура - 66,7 градуса, а в 2013 году - - 71 градус. А привычная зимняя температура для жителей Оймякона – 50 градусов. Местные привыкли к тому, что чернила в ручках замерзают, очки могут примёрзнуть к лицу, батарейки разряжаются, аэропорт не действует. Дети бывают на улице не более 20 минут – опасно для здоровья. Правда, находятся туристы –экстремалы, которые прибывают сюда, чтобы испытать себя в леденящем холоде.

Наши предки говорили: «Жар костей не ломит», но не представляли, наверное, что значит жара в + 50 градусов. Самой жаркой точкой на Земле называют территорию на юг от города Аль-Азиз в Ливии. Там 13 сентября 1922 года была зафиксирована температура + 57, 8 градуса в тени, а в солнечном месте даже + 66 градусов. В Ливии находится и оазис Гадалиса, где температура часто достигает + 55 градусов. Но 300 тысяч жителей Аль-Азиза приспособились к такой жаре.

Настоящая адская жара бывает в пустыне Луто в Иране. Космические спутники зафиксировали здесь в 2005 году + 70,7 градуса. Здесь нет тени, а молоко даже в открытой пачке не прокисает. Учёные в этом убедились. С молоком, оставленным на раскалённом песке, ничего не случилось – оно не прокисло, потому что при такой температуре гибнут бактерии, вызывающие скисание. А когда говорят, что в пустыне на песке можно испечь яйцо, это место для такого эксперимента скорее всего подошло бы.

В США, в Калифорнии, находится Долина смерти (86 метров ниже уровня моря). Здесь в 1913 году была зафиксирована самая высокая в США температура + 56,7. Здесь не живёт никто, разве что забредают учёные или любопытные посмотреть надвигающиеся камни. До сих пор неясно, как несколько сот килограмм весящий камень двигается с места, оставляя за собой след. Учёные предполагают, что виной тому перепады температуры – очень жарко днём и почти заморозки ночью. Именно этот мистический уголок выбрали для съёмок создатели фильма «Звёздные войны: возвращение Джедая». Всё как будто на чужой планете. А ведь это Земля – наша планета.

Корзина с еловыми шишками (продолжение)

В восемнадцать лет Дагни окончила школу. По этому случаю отец отправил её погостить к своей сестре Магде. Пускай девочка (отец считал её ещё девочкой, хотя Дагни уже была стройной девушкой, с тяжёлыми русыми косами) посмотрит, как устроен свет, как живут люди, и немного повеселится...

Магда работала театральной портнихой. Муж её Нильс служил в том же театре парикмахером. Жили они в комнатухе под крышей театра. Дагни часто ходила в театр. Это было увлекательное занятие. Но после спектаклей она часто не засыпала и даже плакала иногда у себя в постели. Тётушка Магда успокаивала её и говорила, что нельзя слепо верить тому, что происходит на сцене. Но дядюшка Нильс сказал, что, наоборот, в театре надо верить всему. Иначе людям не нужны были бы никакие театры. И Дагни верила. Но всё же тётушка Магда настояла на том, чтобы пойти на концерт.

Был тёплый июль. Стояли белые ночи. Концерты проходили в городском парке под открытым небом. Дагни пошла на концерт вместе с Магдой и Нильсом. Она надела чёрное платье из шелковистого мягкого бархата, который оттенял строгую бледность её лица. Платье это принесла Магда из костюмерной.

Дагни впервые слушала симфоническую музыку. Она произвела на неё странное действие. Все переливы и громы оркестра вызывали у Дагни множество картин, похожих на сны.

Потом она вздрогнула и подняла глаза. Ей почудилось, что худой мужчина во фраке, объявлявший программу концерта, назвал её имя. «Что случилось?» – спросила Дагни.

Магда схватила её за руку и прошептала: «Слушай!»

Тогда Дагни услышала, как человек во фраке сказал:

- Слушатели из последних рядов просят меня повторить. Итак, сейчас будет исполнена знаменитая музыкальная пьеса Эдварда Грига, посвящённая дочери лесника Хагерупа Педерсена Дагни Педерсен по случаю того, что ей исполнилось восемнадцать лет.

Дагни вздохнула так глубоко, что у неё заболела грудь. Она хотела сдержать этим воздухом подступившие к горлу слёзы, но это не помогло. Дагни нагнулась и закрыла лицо руками.

Сначала она ничего не слышала. Внутри у неё шумела буря. Потом она наконец услышала, как поёт ранним утром пастуший рожок, и заставила себя успокоиться. Мелодия росла, подымалась. Дагни почувствовала порыв воздуха, исходивший от музыки. Звук незаметно переходил в перезвон лесных колокольчиков, свист птиц, ауканье детей. Это был её лес, её родина, её горы, её море, песня девушек, - она слышала её у себя в горах.

Так, значит, это был он! Тот седой человек, что помог ей донести до дому корзину с еловыми шишками. Это был Эдвард Григ, волшебник и великий музыкант! Так вот тот подарок, что он обещал сделать ей через десять лет!

Музыка стихла. Сначала медленно, потом всё разрастаясь, загремели аплодисменты. Дагни встала и быстро пошла к выходу из парка. Может быть, некоторым из слушателей пришла в голову мысль, что эта девушка и была той Дагни Педерсен, которой Григ посвятил свою бессмертную вещь.

«Он умер! – думала Дагни. – Зачем? Если бы можно было увидеть его!» Она сказала бы только одно слово: «Спасибо!» - «За что?» - спросил бы он. «Я не знаю, - ответила бы Дагни. – За то, что вы не забыли меня. За вашу щедрость. За то, что открыли передо мной то прекрасное, чем должен жить человек...».

О смешном и печальном в жизни и творчестве

А. П. Чехова

«Мир для него смешон и печален одновременно, но не заметив его забавности, вы не поймёте его печали, потому что они нераздельны», - писал о творчестве Антона Павловича Чехова Владимир Набоков.

Спокойный, строгий, уравновешенный человек, он вместе с тем не расставался с шуткой, иронией. Горький вспоминал о Чехове: «В его серых, грустных глазах почти всегда мягко искрилась тонкая насмешка, но порою эти глаза становились холодны, остры и жёстки; в такие минуты его гибкий, задушевный голос звучал твёрже, и тогда мне казалось, что этот скромный, мягкий человек, если он найдёт нужным, может встать против враждебной ему силы крепко, твёрдо и не уступит ей».

А эти слова принадлежат самому Антону Павловичу Чехову: «Если человек шуток не понимает – пиши пропало... ум без склонности к юмору – уже не настоящий ум».

Юмор был одним из основных свойств характера и творчества А. П. Чехова. Но смех его не был смехом лёгкого анекдота. Рано стал задумываться будущий писатель о нелепости современной ему жизни, над её парадоксами.

К раздумьям подталкивало трудное, но всё же счастливое детство в Таганроге: с ловлей птиц и знаменитых азовских бычков; с долгими часами в бакалейной лавке отца; с чувством обиды, когда отец наказывал за малейшую провинность; с чувством упоения весёлыми домашними спектаклями, «в которых Антоша-гимназист был главным воротилой».

Задуматься заставляла и скучная учёба в гимназии в больших холодных классах под неусыпным взглядом надзирателей с одной стороны, а с другой, - породившая чувство верной дружбы, которое будет описано при встрече двух гимназических друзей в рассказе «Голстый и тонкий».

Но самым тяжёлым испытанием стали годы нищеты после разорения отца, когда вся семья, спасаясь от кредиторов, переехала в Москву, а Антон остался в Таганроге заканчивать гимназию. Остался один на целых три года. И эти трудные годы, когда нужно было не только самому заботиться о себе, зарабатывать, чтобы платить за учёбу, но и помогать семье, оказались очень важными для будущего писателя. Они стали годами размышлений, годами формирования личности.

Именно в эти годы Антон Чехов старается понять своего отца. И детское чувство обиды сменилось чувством уважения. Вместе с пониманием приходит и чувство личной ответственности за судьбу своей семьи и за всё, что происходит вокруг. А. П. Чехов напишет: «За дверью счастливого человека должен стоять кто-нибудь с молоточком, постоянно стучать и напоминать, что есть несчастные...»

Трудности не делали Чехова мрачным. Его хватает на учёбу и на домашние дела, на театр и на посещение библиотеки, на участие в любительских спектаклях, а, главное, на первые литературные опыты в юмористическом стиле. Первые рассказы Чехов печатает в журналах «Стрекоза», «Сверчок» под смешными псевдонимами: Антонсон, Антоша Чехонте.

Рассказы Чехова почти всегда очень короткие. «Умею коротко говорить о длинных вещах», - сказал о себе писатель, стараясь при этом, чтобы его рассказы, сценки были смешны. Но стоит немного подумать над ними, заглянуть поглубже в них, и становится грустно, за смешным скрывается нелепое и печальное.

Чудесный доктор

Следующий рассказ не есть плод досужего вымысла. Все описанное мною действительно произошло в Киеве лет около тридцати тому назад и до сих пор свято, до мельчайших подробностей, сохраняется в преданиях того семейства, о котором пойдет речь. Я с своей стороны лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

— Гриш, а Гриш! Гляди-ка поросенок-то... Смеется... Да-а. А во рту-то у него! Смотри, смотри... травка во рту, ей-богу, травка! Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоящих перед огромным, из цельного стекла, окном гастрономического магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая друг друга в бок локтями, но невольно приплясывая от жестокой стужи. Они уже более пяти минут торчали перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещенные ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблоков и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутывающую их папиросную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копченые и маринованные рыбы; ниже, окруженные гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и коробочек с солеными, вареными и копчеными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, — поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно. Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и произнес сурово:

— Ну, Володя, идем, идем... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжелый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюбленно-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели елку, которая издали казалась громадной гроздью ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу. По мере того как шли мальчики, все малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, веселый гул окриков и разговоров, раздумянные морозом смеющиеся лица нарядных дам — все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвещенные косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, стоявшего особняком; низ его — собственно подвал — был каменный, а верх — деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором, служившим для всех жильцов естественной помойной ямой, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскивали ощупью свою дверь и открыли ее.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам, и к мокрым отрепкам, сушившимся на протянутой через комнату веревке, и к этому ужасному запаху керосинового чада, детского грязного белья и крыс — настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; ее лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и беспечно. Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлебываясь, грудной ребенок. Высокая, худая женщина, с изможденным, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся колыбель. Когда мальчики вошли и следом за

ними стремительно ворвались в подвал белые клубы морозного воздуха, — женщина обернула назад свое встревоженное лицо.

— Ну? Что же? — спросила она отрывисто и нетерпеливо. Мальчики молчали. Только Гриша шумно вытер нос рукавом своего пальто, переделанного из старого ватного халата.

— Отнесли вы письмо? Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

— Отдал, — сильным от мороза голосом ответил Гриша.

— Ну, и что же? Что ты ему сказал?

— Да все, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего управляющего. А он нас обругал: «Убирайтесь вы, говорит, отсюда... Сволочи вы...»

— Да кто же это? Кто же с вами разговаривал? Говори толком, Гриша! —

Швейцар разговаривал... Кто же еще? Я ему говорю: «Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь внизу ответа подожду». А он говорит: «Как же, говорит, держи карман... Есть тоже у барина время ваши письма читать...»

— Ну, а ты?

— Я ему все, как ты учила, сказал: «Есть, мол, нечего... Матушка больна... Помирает...» Говорю: «Как папа место найдет, так отблагодарит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит». Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: «Убирайтесь скорее отсюда к черту! Чтобы духу вашего здесь не было!» А Володьку даже по затылку ударил.

— А меня он по затылку, — сказал Володя, следивший со вниманием за рассказом брата, и почесал затылок.

Старший мальчик вдруг принялся озабоченно рыться в глубоких карманах своего халата. Вытащив, наконец, оттуда измятый конверт, он положил его на стол и сказал:

— Вот оно, письмо-то...

Больше мать не расспрашивала. Долгое время в душной, промозглой комнате слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на беспрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

— Там борщ есть, от обеда остался... Может, поели бы? Только холодный, — разогреть-то нечем...

В это время в коридоре послышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика — все трое даже побледнев от напряженного ожидания — обернулись в эту сторону.

Вошел Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без калош. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щеки облипли вокруг десен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц, занято уже другим.... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажа всякого хозяйственного тряпья. А тут еще пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она поденно стирала белье.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, кланча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар бывшего патрона, просто-напросто гнали просителей с крыльца. Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с

сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрепанную шляпу.

— Куда ты? — тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся уже за ручку двери, обернулся.

— Все равно, сидением ничего не поможешь, — хрипло ответил он. — Пойду еще... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошел бесцельно вперед. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дядюшки. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи. Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочел ему наставление, что надо работать, а не клянчить, а во второй — его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось все время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, спустился на низкую садовую скамейку. Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви. Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

«Вот лечь бы и заснуть, — думал он, — и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую веревку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного. «Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?»

Он уже хотел встать, чтобы исполнить свое страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчетливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шел по аллее. Сначала был виден огонек то вспыхивающей, то потухавшей сигары.

Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в теплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

— Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец курил сигару и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

— Ночка-то какая славная, — заговорил вдруг незнакомец. — Морозно... тихо. Что за прелесть — русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

— А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, — продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свертков). — Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

— Подарочки! Подарочки! Знакомым ребятишкам подарочки! А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подышают... Подарочки! А у жены молоко пропало, и грудной ребенок целый день не ел... Подарочки!

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся. Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном:

— Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне все по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребенка, обо всех своих несчастьях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только все пытливей и пристальней заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущенной души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил с своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

— Едемте! — сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. — Едемте скорее! Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедemте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчишки хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопченный чугунок. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошел к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

— Ну, полно, полно, голубушка, — заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине.

— Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить все, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна обворачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

— Вот с этой бумажкой вы пойдете в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малютки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем прощайте, господи! Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное — не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, все еще не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним. Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

— Доктор! Доктор, постойте! Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он водил в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом конце коридора спокойный старческий голос произнес:

— Э! Вот еще пустяки выдумали! Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке, прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова».

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова — того самого Гришки, который в описанный мною сочельник проливал слезы в закоптелый чугунок с пустым борщом. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, славя образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая свое повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слез:

— С этих пор точно благодетельный ангел снизошёл в нашу семью. Все переменялось. В начале января отец отыскал место, матушка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казенный счет. Просто чудо совершил этот святой человек.

А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор — это когда его перевозили мертвого в его собственное имение Вишню.

Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невосвратимо.

Vertimų projektas „TAVO ŽVILGSNIS 2018“
(Vertimo lapas)

1. Švietimo įstaigos pavadinimas	
2. Moksleivio (-ės) vardas, pavardė (spausdintinėmis raidėmis)	
3. Mokytojo (darbo vadovo) vardas, pavardė	
4. Verčiamo teksto pavadinimas (lietuvių kalba)	
5. Užsienio kalba, iš kurios verčiama	
6. Tai Jūsų pirmoji ar antroji užsienio kalba?	
7. Moksleivio klasė/kursas	
8. Moksleivio amžius	
9. Užsienio kalbos mokymosi metai	